

Т. С. Шадрина

БЫТОВАНИЕ РУССКИХ ПОСЛОВИЦ И ПОГОВОРОК В ЛИТВЕ

Работа представлена кафедрой историко-культурного наследия

Орловского государственного университета.

Научный руководитель - доктор филологических наук, профессор В. И. Костин

Статья посвящена изучению пословичного фонда русского старожильческого населения Литвы. Автор отмечает тематическое многообразие пословиц и поговорок, воссоздающих подлинную картину быта, обычая, традиций местных жителей.

The article is devoted to the study of the proverb stock of Russian old residents in Lithuania. The author denotes a thematic variety of proverbs and sayings, which reconstruct a real pattern of a way of life, customs and traditions of the locals.

Выходцы из русских земель издавна проживали в Литве. Это были купцы, а также участники антифеодальных сектантских движений XIV-XVI вв. Основная же масса русского старожильческого населения Литвы является потомками переселенцев второй половины XVII - первой половины XVIII в., которые подвергались гонениям за приверженность к старой вере.

Более поздние потоки русских переселенцев были связаны со сложными взаимоотношениями России, Литвы и Польши. Царское правительство заселяло земли помещиками и их крепостными, изгоняя участников крестьянских восстаний 30-х и 60-х гг. XIX в. в Польше, Литве и Белоруссии. Спасались здесь и беглые крепостные. Выселяли сюда русских крестьян за смутьянство и неповинование властям. Так создавались русские села изолированного типа староверческого или православного исповедания, а одновременно с ними образовывались селения смешанного типа с литовским, польским и русским населением. Одно из них - mestechko Салакас Заасайского района, значительный процент населения которого составляют русские старожилы - потомки раскольников; живут они впред-

мешку с литовцами, в близком соседстве с латышами, белорусами, поляками, поэтому многие свободно владеют несколькими языками.

В Салакасе почти всю свою жизнь прожила Елизавета Ивановна Колесникова, которая с конца 1940-х гг. по совету местной учительницы записывала каждую припомненную ею или услышанную от земляков пословицу, частушку, песню, сказку. Главной страстью Колесниковой были пословицы и поговорки. Их собрание (около 30 тысяч) интересно во многих отношениях. Во-первых, в записях собирательницы отражены основные особенности местного говора. Во-вторых, это пословицы, бытующие в одном небольшом районе. В-третьих, это прекрасный материал для изучения взаимовлияния русского, литовского, польского и белорусского фольклора. Кроме того, с 1976 г. с собирательницей работали преподаватели и члены фольклорного кружка Вильнюсского педагогического института, которыми записаны ее комментарии к паремиям. (В данной статье комментарии Е. И. Колесниковой даются в круглых скобках, в прямых - пояснения автора.)

Салакские русские пословицы и поговорки передают неповторимый колорит Зарасайского края, отражают своеобразные черты материальной и духовной культуры старообрядцев, неписаные правила поведения в семье и обществе, оригинальные традиции, приметы и поверья.

Они касаются всех сторон народной жизни. В них рассказывается, например, о нелегкой доле батраков и испольщиков: *Хлеб запашный - не домашний.* («Запашный» - как бывает, идут на запаши люди. Пан имеет много земли, он сам не обрабатывает, дает половину на запаши. Этот запашник обсевивает и еще с этой половины дает за землю половину [урожая], а что останется - то ему. А что там остается...) В местной традиции сохранилось много паремий, связанных с наймом богатыми крестьянами-нанимателями рабочей силы. Большинство из них приурочены к какой-то конкретной ситуации и часто непонятны без комментария, воссоздающего эту ситуацию: *Черт с тобой и с твою колядой!* («Коляда» - это так делается. Работник или пастух живет у хозяина. Когда кончается срок - работник нанимается до Рождества, а пастух до Филипповых заговен - и то у хозяина там не вымолочено, то много делов... Пастух хочет домой, уже снег; а еще не было этих Филипповых заговен. Он говорит: «Что, я уже могу ехать домой?» Ну, он [хозяин] говорит: «Если хотишь, так едь, но не получишь коляды». А «коляды» - так дается большой бохан хлеба, дается мясо - больше баранина - дается там сыр, масло, ну, еще кое-когда шерстяная там рубашка; помимо зарплаты это хорошему пастуху или там работнику. И как охота пастуху домой, это не можно представить, это мне самой бычо... Вот в его и вырвется: «Черт с тобой и с твоей колядой!») Повествуют пословицы и о незаинтересованности поденщиков работать на хозяина (*Солнце за лес - серп на плечи*), о толоках - совместном выполнении наиболее важных, спешных работ и о щедром угощении участников толоки

(Хотишь с хлебом быть - не жалей и людей накормить).

В салакских паремиях не обойдено вниманием и такое колоритное явление общественного быта народов Прибалтики, как кирмаши (ярмарки): *В один день два кирмаша не отбудешь; Маринушка, гроши машь? Садись, едем на кирмаш!*

Пословицы из собрания Е. И. Колесниковой донесли до нас отголоски особенностей старинного быта. В них встречаются, например, упоминания о старинной одежде и обуви, пище: *Повстречались рычки с лаптями* [«рычки» - кожаные башмаки с деревянными подошвами]; *По пятам стануха да потеплее ленуха* [«стануха» - длинная рубашка, «ленуха» - скамья возле печки]; *Одну сермягу нажили, да и ту в поклажу положили; Когда мать затирки с мылом наварила, тогда сыну жениться разрешила* [«затирка» - похлебка из ячменной, ржаной, гречневой муки].

Предметный мир местных пословиц знакомит нас также с предметами домашнего обихода, с устройством дома и т. д.: *Нос, как зимний пральник* («Пральник» - им белье колотят. Так пральник коротенький, а зимний - в форме ковша, ручка большая, чтоб руки не мочить.); *Добрый животок - настойящая почевка* [«ночевка» - деревянное корыто]; *Когда кот на контуру, мыши ходят по полу* («Контур», «чело» - это уже к трубе, на самом верху [печки], где дым выходит.).

С хозяйственными потребностями, бытовой целесообразностью нередко связывались даже религиозные представления о грехах: *Перегонишь сало в пост - и подожуешь летом хвост. (Будет уже нетяглый человек, слабый. Сало на лето оставлять надо, на сенокос.)*

Пословицы и поговорки доносят до нас и следы местных деревенских обычаяев. Вот, например, что рассказывает Е. И. Колесникова о том, как раньше нанимали в Салакасе младшего пастуха, в комментарии к паремии *Показали тебе, как лягушки пры-*

гают? Оказывается, что во время обеда младший пастух никогда «не садился в середину, а с краю; если соли кому подать надо, воды принести - соскашивай, сам догадайся. А в середину сядешь - «покажут тебе, как лягушки прыгают». Когда пастуха нанимают, садят кушать первый раз. Нарезают хлеб и ложат нож поперек. И если он ложкой через нож лист, значит, уже развязавка - не отложит нож вдоль. Тогда уже знают, что нехороший работник, иногда даже отводят назад». Неуважение к этой традиции считалось у пастухов зазорным и каралось.

Пословицы из собрания Е. И. Колесниковой воссоздают неписаные правила поведения в обществе, в семье. *А шапку вам придется снять!* На первый взгляд обычная, немудреная фраза, и на пословицу-то она не похожа. Но первое впечатление обманчиво. Оказывается, еще не так давно в Салакасе и его окрестностях и у русских, и у литовцев существовал обычай «снимать шапки» с мужчин, зашедших в дом в день рождения ребенка. *«Женщины - ничего, платок не снимают; а мужчины осторегаются в такое время в дом заходить»*, - пояснила собирательница. Остерегаются не зря - по старинному правилу снятую шапку необходимо выкупить у повивальной бабки. А означает эта паремия «кому-то покориться, перед кем-нибудь извиниться».

Характерной особенностью местного фонда является наличие значительного количества паремий, связанных с отражением религиозных верований старообрядцев. Культ старины, ревностное соблюдение религиозных и бытовых обычаем и запретов многое определяют в их жизни. С теми, кто отрекался от старой веры, они прекращали всякие отношения: *Гони ты этого белохвостого перекула! (Если кто быч старовер и перешел в православную веру, его называли «перекул», он «перекулился».)*

Органическая связь собранных Колесниковой текстов с жизнью и бытом русских старожилов Литвы нередко проявляется и в чисто внешних приметах. Пышные, окла-

дистые бороды издавна считаются «визитной карточкой» старообрядцев-мужчин. Поэтому не удивительно, что борода часто упоминается в салакских пословицах и поговорках - и серьезных, и комических по содержанию: *Бог не батька, за бороду не возьмешь; Насорили отцу в бороду, Борода не в честь - она и у козы есть; Борода, как лес, а спрятаться не влезть* и др.

Старообрядцы охотно дают своим детям старинные имена, давно забытые в православной России, видя в этом одно из проявлений уважительного отношения к вековым традициям своего народа: *Зимой - Фомой, летом - Филаретом, разным бывает; Пусти Секлетинью вперед, она любому голову оторвет; Проснулся Молах, как хрен в головах; Бедная Улита, чем только ты не бита?; Менодорушке вечно горюшко; Правда, Павла, правда, Мавра!*

Пословицы и поговорки дают богатейший материал для воссоздания архаичных взглядов. Логикой язычника, поклоняющегося не одному, а многим богам, пронизана пословица *Незачем тому богу молиться, который не милует*. С языческими представлениями о повелителях стихий связана, на наш взгляд, паремия *Проплакала баба болото и лес, а о бабе - ни один бес*. Архаичной по содержанию представляется поговорка *А что, мои дети у бога теленка съели?* Вероятнее всего, речь в ней идет о посягательстве на жертвенных животных, выражавшихся к празднику в честь языческого божества. Отголоски языческих верований несет в себе и паремия *В лесу родившись, на пень молившись*. Интересно, что местная фольклорная традиция знает и другую пословицу, явно более позднего происхождения: *Пусть в лесу живши, [но] на камень богу не моливши*.

Сохранность архаичных форм салакских пословиц и поговорок связана с тем, что христианство в Литовском великом княжестве официально было принято только в XIV в., а сплошная христианизация населения - с переводом богослужебных книг и

устройством сельских храмов - началась лишь в XVI в.

Местные пословицы и поговорки отражают и народные поверия. Паремия *Чтоб тебя мышки хватили!* ведет за собой такое разъяснение: «*Это лошадь мышки хватают. Люди говорят - нужно крота живого замучить, порвать, эту лошадь погладить руками в кротовой крови, и пройдут эти мышки. И про человека так само: "Чтоб тебя мышки хватили!" А как мышки хватают, конь весь дрожит и валится.*

Широко распространена среди салакских старообрядцев вера в существование чертей, домовых, леших, бесов. Слово

«черт» более или менее табуировано, его боятся и избегают произносить. Это отчетливо видно в паремиях *Богу плохо не делай, но и ему [черту] не груби; Что тебя - семеро осетило? (Семь чертов водили, блудил в лесу.)* [«Осетили» - одолели, встретились.] Сам запрет поминать вслух «нечистого», очевидно, связан с архаичными представлениями о том, что он обязательно услышит свое имя и незримо «явится на зов».

Пословицы и поговорки из собрания Е. И. Колесниковой воссоздают подлинную картину быта, обычая, традиций местных жителей.